

КАК Я СТАЛ ЭНТОМОЛОГОМ

В. Г. Долин

С детства я мечтал о путешествиях, разглядывал карты различных континентов, представлял себя в пустынях Средней и Центральной Азии, в тропиках Африки и Америки, на улицах столиц различных государств. Наша чапаевская школа № 2 уже имела традицию: один из выпускников-медалистов последние 2 года поступал в Москве в Институт международных отношений, который выпускал клерков посольств и журналистов-международников. Но судьба распорядилась иначе — за несколько дней до выпускных экзаменов я поранился во время игры в волейбол, получил общее гемолитическое заражение крови (шестидневное, описанное, кстати, Вячеславом Шишковым в его романе «Угрюм-река»), чудом выжил (спас пенициллин) и почти на целый год залег в больницу. Тогда наша семья переехала в Киев, и я очутился в клинике водников под надзором профессора В. Н. Иванова, где учился заново ходить, преодолевая последствия постинфекционного полиневрита и другие менее фатальные осложнения.

Когда наступил осенний семестр 1949 года и в клинике появились группы студентов, я, поглядев на них, испросил разрешения проходить практические занятия с группами разных курсов и лекции по общей терапии в большой аудитории клиники. Я довольно быстро освоил таинства пальпации (в группе доц. Шульмана), перкуссии и аускультации (под руководством доц. Е. Б. Букреева), взятия анамнеза у больных в группе доц. Р. А. Меерзон. Слушал регулярно лекции проф. Ткачева, доц. Гитилиса и др. На меня смотрели как на будущего медика и «своего» студента, я подружился с аспирантами Ревуцким и Скопиченко и принимал участие в их экспериментах по перистальтике. В библиотеке клиники я нашел учебники по общей терапии профессоров Зеленина и Черноруцкого, опубликованные с разницей в один год и рекомендованные для студентов медицинских вузов и прочел оба от корки до корки. После прочтения этих толстых книг я серьезно задумался, пытаюсь понять явные несоответствия в диагностике, прогностике и методах лечения многих заболеваний. Масла в огонь добавил появившийся новый сосед по палате, микробиолог по специальности, который высмеял мое влечение в Институт международных отношений («всю жизнь ничего не видеть, кроме бумажек»), а также мои симпатии к медицине («столько лежишь в больнице и до сих пор не понял, что они (врачи) ничего не знают и не понимают. Есть одна перспективная наука, за ней будущее — это микробиология»).

Весной 1950 г. я сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости, получив серебряную медаль, подал документы на биологический факультет Киевского государственного университета, позже нашел себя в списках принятых и успокоился.

Перед началом занятий я с удивлением обнаружил, что моя фамилия, как и фамилии еще 16 представителей мужского пола, находится в списках отделения почвоведения, а не биологического, куда я подавал заявление. Дней через десять я добился приема у декана факультета Александра Порфирьевича Корнеева и настаивал на моем переводе на биологическое отделение. Декан очень вежливо меня убеждал, что новое, год назад созданное почвенное отделение готовит почвоведов, в которых нуждается страна, и что именно мужчины могут с успехом освоить эту сложную специальность, поэтому все поступившие на факультет юноши зачислены

на это отделение. На мои сентенции, что я хочу стать именно микробиологом и никем другим, он рассказал мне, что мечтал стать железнодорожником, а его послали учиться на орнитолога... Так что мой поход к декану закончился нулевым результатом. Однако, едва прошла пара месяцев от начала занятий, как юноши по одному начали исчезать с почвенного отделения: сначала исчез Леня Шиян, сын известного украинского писателя, затем сын профессора геологии Леня Эйно́р, за ним Виталий Межжерин, Виталий Кордюм-Островский, Володя Скок и т. д. Когда на отделении осталось шесть или семь представителей мужского пола, я снова прорвался к декану, но он устало сказал мне, что на микробиологии уже перебор, туда уже перешли В. Кордюм и Н. Гамалея, и что если я буду настаивать на переводе на биологическое отделение, то должен сам подыскать кафедру, на которую меня возьмут.

И я начал путешествовать по кафедрам, интересуясь предметами исследований, стал посещать лекции и большие практикумы 3 и 4 курсов. Дарвинизм и ботаника высших растений мне явно не понравились. Зоология позвоночных и физиология животных и человека были исключены мною заранее. Более симпатичными мне показались занятия по низшим растениям, которые проводили профессор Д. К. Зеров и доцент А. В. Топачевский, и я сразу ощутил обаяние этих преподавателей. Подошла очередь кафедры зоологии беспозвоночных, она тогда располагалась в большой комнате на ул. Ленина, 48.

Темным осенним вечером после занятий я толкнул дверь, которая оказалась незапертой, заглянул в нее и к своему удивлению увидел круглую большую голову, склонившуюся над биноклем. Услышав шорох, голова поднялась, повернулась в мою сторону и тут же последовало: «Заходьте, молодий чоловіче. Ви з якого курсу? Ага, з першого, це добре. Мене звуть Олександр Пилипович, а як Ваше прізвище? Добре. Бажаєте спробувати свої сили в ентомології. Сідайте ось сюди, вмієте користуватись біноклем? Дивіться, оце робиться так». Тут же мне были показаны премудрости пользования биноклем, вручен определитель насекомых и получен серый бугорчатый плоский жук на булавке для определения. А также поставлена задача: «Визначити до родини (т. е. как я понял, до семейства), роду та виду». Я добросовестно вчитывался в определительные таблицы, сопоставлял тезы и антitezы, но определить до семейства так и не сумел. В 8 вечера Александр Филиппович, как я узнал позже доцент кафедры по фамилии Крышталь, сказал, что на сегодня рабочий день закончен, забрал жука и воткнул его в большую деревянную коробку под стеклом.

На следующий день повторилось то же самое и с тем же успехом. Четыре дня я мучился с определительными таблицами из упрямства, затем подглядел, из какой коробки был извлечен жук, и в отсутствие преподавателя заглянул в коробку, нашел, с какого места взят злополучный жук и переписал этикетку — «*Opatrum sabulosum*, *Tenebrionidae*», т. е. песчаный медляк из семейства чернотелок. Докладывая позже о результатах моих трудов, я твердо решил, что эти занятия не для меня, и только открыл рот, чтобы поблагодарить доцента за внимание и сказать, что он меня больше тут не увидит, как вдруг услышал: «Ну, молодець. Навчишся визначати жуків, пойдеш навесні в експедицію на південь України, у Ізмаїльську область». Экспедиция!? Рот захлопнулся сам собой, а ноги почти автоматически принесли меня в ту же комнату на следующий же вечер.

Воодушевленный перспективой попасть в состав экспедиции, я упрямо работал с определительными таблицами, осваивая параллельно особенности морфологии жуков, и наконец у меня стало что-то получаться, представителей некоторых семейства, как потом оказалось, самых банальных, я научился распознавать и без определителя. Александр Филиппович оказался очень милым человеком, ужасно упорным и трудолюбивым. Помногу часов кряду он не вставал от бинокля, невольно заставляя брать с него пример. Подсказывать не любил, как говорят, учил плавать, бросая в глубокое место. «Якщо бажає бути ентомологом — то буде».

Весною действительно началась подготовка к выезду в экспедицию на грузовой автомашине. Готовили банки, пробирки, сачки, ватные матрасики для насекомых и т. д. Пришлось сдавать сессию досрочно, разрешение от деканата организовал сам

Александр Филиппович. Выехали 3 мая, до Измаила не без приключений доехали по ужасным дорогам за 5 дней. Первый стационар был организован в районе Килии. Тут на практике пришлось осваивать методики кошений, почвенных раскопок, анализа злаков, лова ночных насекомых на свет и путем раскладывания притеняющих приманок. Мы объехали всю область, познакомились с плавнями Дуная, озерами Сасык, Катлабух и Ялпух. Дни были насыщены работой с утра до вечера, и когда приходилось раскладывать пойманных насекомых, я почувствовал интерес к этой работе.

Выбрав удобное время, я заговорил с Александром Филипповичем о переводе на биологическое отделение, с тем чтобы впредь специализироваться по энтомологии. Он сначала не понял в чем дело, а потом задумался и неожиданно изрек: «А я бы цього не робив. Зараз оформлюється зовсім нова наука – ґрунтова зоологія. У тебе як у ґрунтознавця та ентомолога виникають перспективи грамотно зв'язувати розповсюдження ґрунтових комах в залежності від властивостей ґрунту, хоча б механічного складу, вологості та ін. Поміркуй про це, потім мені скажеш». После этого разговора за мною были закреплены проволочники и ложнопроволочники, т. е. почвообитающие личинки жуков-щелкунов, чернотелок и пыльцеведов.

В конце мая основной состав экспедиции вернулся с машиной в Киев, на стационаре остались всего несколько человек. Оказалось, что работа экспедиции по обследованию вредной почвенной энтомофауны измаильщины запланирована на 3 года и с середины июля до конца августа, т. е. до начала следующего семестра мы уже большой группой снова работали в экспедиции.

По возвращении в Киев все свободное время после лекций (а иногда и во время оных) я проводил на кафедре, которая переехала в основной корпус на ул. Владимирской. Нужно было разобрать и определить собранный материал, что приходилось делать по разрозненным статьям, содержащим описания и определительные таблицы проволочников и ложнопроволочников, но детально иллюстрированным, так что на первых порах особых затруднений при определении я не ощущал. Однако через пару месяцев я обратил внимание, что не все личинки укладываются в видовые диагнозы и что их заметно больше, чем указано в таблицах. Я рассказал А. Ф. Крышталю об этом, но он успокоил меня: «Доки не виведеш імаго з личинки гадати нічого, вчися виросувати жуків з личинок».

Мы проработали в экспедиции еще один полулетний сезон (после летней практики, т. е. часть июля и август). Изрядно накопились, выясняя состав и численность почвенной мезофауны. Теперь я старался фиксировать не всех проволочников, оставляя их в баночках или пробирках с почвой непонятных с первого взгляда личинок.

После возвращения из экспедиции я продолжал выращивание личинок, предлагая им в качестве корма пророщенные зерна пшеницы, кусочки картофеля и яблок. Большая часть личинок сдохла, а немногие окуклившиеся дали жуков, личинки части которых были неизвестны. Первые результаты, пусть и мизерные, как я уже теперь понимаю, страшно обнадежили и увлекли меня, так что я каждую свободную минуту проводил уже на кафедре зоологии беспозвоночных, которая перебралась в красный корпус на второй этаж, и где мне в лаборатории энтомологии выделили отдельный стол и бинокляр. С увлечением монтировал жуков и определял личинок, а тех, что не определялись, фиксировал в отдельных пробирках и, когда оставался в лаборатории один, любовался ими, пытаюсь догадаться, какому виду они принадлежат.

Но тут от А. Ф. Крышталю поступило распоряжение: изложить в виде научной статьи первые результаты обработки собранного материала, объем – 4 страницы машинописи через 2 интервала.

Целую неделю я скрупулезно работал над статьей и в следующий понедельник торжественно вручил Александру Филипповичу одним пальцем самостоятельно напечатанные на печатной машинке 4 страницы машинописного текста. Результат после прочтения руководителем оказался фатальным: никуда не годится, переделать, «так-то и так». Через 3 дня я снова принес рукопись. Результат был тот же: переделать, «так-то и так». После пятого повтора у меня из глаз закапали злые слезы, и я готов был выбросить все написанное и прекратить бесплодные муки творчества. Не

тут то было! После словесного разгона на следующий день пришлось снова засесть за несчастные страницы. Шестой вариант опять подвергся критике, но уже более мягкой и, наконец, 7-я попытка увенчалась успехом — злополучные 4 страницы исчезли в толстом портфеле доцента по фамилии Крышталь.

Статья в первом тезисном варианте вышла с несколькими соавторами во главе с шефом, как мы стали ласково называть Александра Филипповича, или иногда просто «Филипповичем», все, кто закрепился в его лаборатории, постоянно ощущали его отеческую заботу о своих питомцах.

После третьего сезона работы в экспедиции шеф предложил трем участникам полевых работ письменно изложить результаты работы и подготовить выступление в форме доклада. История с текстом повторилась снова: первый вариант был немедленно по прочтении отвергнут, и пришлось все переделывать заново. Третий вариант ожидала такая же судьба. Но зато четвертый был милостиво одобрен, а я со злорадством констатировал, что он был почти как две капли воды похож на первый... Так что до слез дело не дошло.

Позже оказалось, что с докладом нужно будет выступать в Ленинграде на Всесоюзной энтомологической конференции, хотя и вне программы, так как с заявками мы опоздали. И вот первая самостоятельная поездка в центр энтомологической науки и первое самостоятельное выступление с научным докладом. До этого мне как члену-соревнователю Украинского энтомологического общества на заседании Киевского отделения пришлось делать доклад о жизни и деятельности И. А. Порчинского, так что аудитории я уже не боялся. И вообще настолько осмелел, что ввязался в дискуссию по поводу видового состава проволочников юга Украины с самим профессором Добровольским, вскоре ставшим заведующим кафедрой энтомологии Московского университета.

Ко времени окончания 5-го курса я был уже автором 3 печатных научных статей, притом не в сборниках научных студенческих работ, а в авторитетных научных сборниках.

Теперь уже стало ясно, что быть мне энтомологом и что другого пути не будет. Когда я сдал госэкзамены и зашел к Александру Филипповичу в комнату 223 на втором этаже красного корпуса КГУ, он похлопал меня по плечу и сказал: «Ну шо? Закінчив навчання — тепер почнеш вчитися». Вот так!

И я начал учиться, тем более что А. Ф. Крышталь научил самому главному: упорству в работе и критическому отношению к литературным данным. Студенческая работа не прошла даром, бессонные ночи в лаборатории по обработке материалов осенних раскопок пахотных угодий Украины, полученные из Министерства сельского хозяйства в двух 37-литровых бидонах, — тоже. Они легли в основу кандидатской диссертации «Личинки жуков-щелкунов (Elateridae) Украинской ССР», защищенной осенью 1962 г.

Впереди была работа в Каневской лаборатории арахноэнтомологии (с января 1956 по февраль 1959 гг.), впереди был Научно-исследовательский институт защиты растений (по март 1975 г.), где я прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе и защитил докторскую диссертацию «Жуки-щелкуны (Elateridae, Coleoptera): морфология, экология, систематика, филогения, хозяйственное значение, меры борьбы» в 1973 г. Впереди был и Институт зоологии им. И. И. Шмальгаузена Национальной академии наук Украины, работая в котором, я получил звание профессора в 1978 г. и был избран членом-корреспондентом НАН Украины по специальности «энтомология» в 1985 г.